

Научная статья
УДК 821.161.1.09“16”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.8642

Поэтика уподобления в русской агиографии: Александр Ошевенский vs Алексей человек Божий

А. В. Пигин

*Карельский научный центр,
Российская академия наук
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)
e-mail: av-pigin@yandex.ru*

Аннотация. В статье предложен сравнительный анализ двух агиографических памятников — древнерусского Жития Александра Ошевенского (XVI в.) и византийского Жития Алексея человека Божия, известного на Руси уже с домонгольской эпохи. Автор обосновывает гипотезу о том, что Алексей человек Божий послужил одним из агиографических прототипов для Александра Ошевенского. Впервые на связь этих святых указал известный русский агиолог Никодим (Кононов), включив в сочиненный им в 1897 г. акафист Александру Ошевенскому хайретизм «Радуйся, Алексею человекъку Божию единомушнице!». Ассоциацию с Алексеем человеком Божиим вызывает мирское имя Александра Ошевенского — Алексей (святой родился 17 марта, в день памяти «человека Божия»); жития роднят общие агиографические топосы, текстуальная близость плачей матерей и т. д. Сходны и сами судьбы этих персонажей, покинувших своих родных, но затем вернувшихся к ним: один — как юродивый, другой — как монах. При этом семейная тема решена в двух житиях по-разному: если «Божий человек» остается безучастным к горю родных, то Александр Ошевенский изображается одновременно как идеальный монах и как любящий сын. В статье Житие Александра Ошевенского рассмотрено также в контексте других памятников древнерусской литературы.

Ключевые слова: агиография, поэтика уподобления, Александр Ошевенский, Алексей человек Божий, монашество, семья

Благодарность: Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

Для цитирования: Пигин А. В. Поэтика уподобления в русской агиографии: Александр Ошевенский vs Алексей человек Божий // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 39–54. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8642

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.8642

Poetics of Likeness in Ancient Russian Hagiography: Alexander Oshevsky vs Alexis the Man of God

Alexander V. Pigin

*Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
e-mail: av-pigin@yandex.ru*

Abstract. The article offers a comparative analysis of two hagiographic works — the ancient Russian Life of Alexander Oshevsky (XVI century) and the Byzantine Life of Alexis the Man of God, known in ancient Russia since the pre-Mongol era. The author attempts to substantiate the hypothesis that Alexis the Man of God served as one of the hagiographic prototypes of Alexander Oshevsky. The connection between these saints was initially pointed out by the famous Russian hagiologist Nikodim (Kononov), who included in his akathist to Alexander Oshevsky (1897) the likening of Saint Alexander to Alexis the Man of God. The association with Alexis the Man of God is instigated by the worldly name of Alexander Oshevsky — Alexis, or Alexey (the Saint was born on March 17, on the day of memory of ‘the Man of God’). The two Lives share common hagiographic topoi, the textual proximity of mothers’ cries, and so on. The fates of hagiographic characters who had left their relatives, but subsequently returned to them (one as a fool, the other as a monk), are also similar. At the same time, the family theme is resolved in two Lives in different ways: while the ‘Man of God’ remains indifferent to the grief of his relatives, Alexander Oshevsky is portrayed both as a perfect monk and as a loving son. The article also considers the Life of Alexander Oshevsky in the context of other ancient Russian literature works.

Keywords: hagiography, poetics of likeness, Alexander Oshevsky, Alexis the Man of God, monasticism, family

Acknowledgments: The study was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pigin A. V. Poetics of Likeness in Ancient Russian Hagiography: Alexander Oshevsky vs Alexis the Man of God. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 39–54. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8642 (In Russ.)

Александр Ошевенский, в миру Алексей (17.03.1427 — 20.04.1479) — основатель Никольского-Успенского Александро-Ошевенского монастыря, находившегося на левом берегу реки Чурьегы в 42 верстах к северу от Каргополя, самый почитаемый каргопольский святой. Как писал архимандрит Никодим (Кононов), для Каргополя Александр Ошевенский «является тем же, чем были для южной России преп. Антоний и Феодосий Печерские, для московской — преп. Сергей Радонежский и для северной — Зосима и Савватий, соловецкие чудотворцы, и преп. Александр Свирский» [Никодим (Кононов): 14]. Местное празднование Александру Ошевенскому было установлено по благословию вологодского епископа Варлаама между 1576 и 1581 гг. Около 1634 г. память преподобного была включена в Устав московского Успенского собора [Шаляпин, Романенко: 531]. Его имя вошло и в Святцы 1646 г., изданные на московском Печатном дворе [Карбасова, 2011: 284], но к общецерковному почитанию в древнерусский период св. Александр канонизирован не был¹.

Судьба и нравственный облик преподобного Александра во многом типичны для севернорусского монашества. Являясь постриженником Кирилло-Белозерского монастыря, Александр в полной мере унаследовал духовные традиции этой монашеской школы: любовь к безмолвию, нестяжательность, послушание. Даже служба в «пекарне и поварне», которую он проходил в монастыре, есть отблеск такого же испытания «жестокое житие» преподобного Кирилла. Но тесные связи Александра со своим родом, сохраненные им до конца жизни, выделяют святого среди других русских преподобных.

Житие Александра Ошевенского было написано постриженником Александро-Ошевенского монастыря иеромонахом Феодосием в 1567 г., спустя 88 лет после смерти святого. Феодосий не был «самовидцем» Александра, сведения о его жизни и подвигах он собирал от «древних иноков и сродников святого от рода его» [Пигин, 2017: 299]². В результате агиографу удалось написать «обширное и превосходное по содержанию житие» [Ключевский: 298]. Памятник сохранился в большом числе списков XVI–XIX вв. (сегодня известно около 90) и в нескольких редакциях, наиболее ранними из которых

являются Пространная (первоначальная, 1567 г.) и более краткая Основная (по-видимому, рубеж 1570–1580-х гг.)³. Известны также церковные службы святому, похвальные слова (в том числе старообрядческие) в его честь, молитвы и акафист.

Важная задача в изучении Жития Александра Ошевенского, как и любого другого средневекового жития, состоит в установлении «агиологических образцов», которым агиограф уподоблял святого. Поэтика уподобления в агиографии «заключается в том, что при изображении каждого нового святого агиограф (автор жития, похвального слова или канона) находит соответствующий “агиологический образец” среди великих подвижников древности, *по подобию* которого и изображает прославляемого им святого» [Панченко: 491]. Уподобление осуществлялось как путем прямой ссылки на агиологический образец (эксплицитно), так и с помощью заимствования фрагментов текста, посвященного древнему святому (имплицитно). Каждый святой есть «отблеск», «эхо» другого святого — и весь ряд уподоблений восходит в конечном итоге к первообразу Спасителя (*imitatio Christi*).

Источники Жития Александра Ошевенского были определены уже одним из первых его исследователей — И. Яхонтовым, который пришел к выводу о компилятивном характере памятника. Согласно его наблюдениям, Житие составлено на основе житий Александра Свирского (из него сделаны наиболее пространные выписки), Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких, Антония Римлянина, Сергия Радонежского [Яхонтов: 88–110]. Основной ряд святых, которым имплицитно Феодосий уподоблял Александра Ошевенского, составляют, таким образом, русские преподобные, основатели известных обителей. Однако этими именами круг «агиологических образцов» для Александра Ошевенского не ограничивается.

В 1897 г. упомянутый выше иеромонах Никодим (Кононов), впоследствии епископ Белгородский, прославленный в 2000 г. в лике священномучеников, составил акафист Александру Ошевенскому, в третьем иконе которого читается такой хайретизм: «Радуйся, Алексею челоѵѵку Божию единомушнице!»⁴.

Никодим (Кононов) уподобляет Александра Ошевенского византийскому святому Алексею человеку Божиему, называя их «единодушниками». На чем основано это уподобление, находит ли оно подтверждение в тексте Жития Александра Ошевенского?

Агиографическая легенда об Алексее, жившем по преданию во времена римских императоров Аркадия и Гонория (конец IV — начало V вв.), была известна всем христианским литературам. Сын богатых родителей, римского синклитика Евфимиана и его жены Аглаиды, Алексей тайно ушел из дома в ночь после свадьбы. 17 лет он провел в притворе храма Богородицы в Эдессе, прося подавание, а затем вернулся в Рим в образе нищего и еще 17 лет прожил, неузнанный, в сенях родительского дома, ежедневно подвергаясь унижениям и побоям. Своим близким, безуспешно искавшим его все эти годы, он открылся лишь в предсмертной исповеди, записав ее на хартии. По авторитетному мнению В. П. Адриановой-Перетц, «ни один из подвижников русской земли не вызывал к себе такого интереса, не пробудил такого сочувствия к своей жизни, как Алексей человек Божий. Мы разумеем <...> то теплое чувство преклонения перед его страдальческой жизнью, которое создало и поддерживает в народной памяти у нас и многочисленные жития, и духовный стих, воспевающий чужого по происхождению, но ставшего родным по настроению Алексея Божиего человека» [Адрианова: 127]. Житие Алексея было известно на Руси уже в домонгольский период, оно сохранилось во множестве списков и в нескольких редакциях, легло в основу духовных стихов, ранней драмы и похвальных слов, в том числе Симеона Полоцкого. Житие оказало влияние на целый ряд памятников древнерусской агиографии — Сказание о Борисе и Глебе, Житие Александра Невского, Житие Константина Муромского, Повесть о Меркурии Смоленском (см.: [Адрианова: 145–148])⁵. Представляется, что в этот перечень можно включить и Житие Александра Ошевенского.

Будущий основатель Ошевенской обители родился 17 марта — в день памяти Алексея человека Божия — и был наречен в его честь. Имя в средние века определяло судьбу человека,

а в агиографии служило основанием для уподобления персонажа древнему тезоименитому святому. Так, Меркурий Смоленский уподоблен великомученику Меркурию, Антоний Печерский — Антонию Великому, Максим Грек — Максиму Исповеднику и т. д., «причем само имя святого нередко является “ключом” к пониманию “делания” святого, его духовной предназначенности» [Панченко: 495, 508].

Подобно своему небесному покровителю, Александр Ошевенский появляется на свет после долгих молитв его матери, в юном возрасте благодаря успешному книжному учению постигает божественную премудрость, кротко сносит оскорбления, скрывается от человеческой славы, принимает милостыню от своих «сродников» и т. д. Конечно, эти мотивы известны и по другим произведениям византийской и русской агиографии, являются житийными топосами [Руди, 2006]; часть из них была перенесена в Житие Александра Ошевенского в составе больших фрагментов из Жития Александра Свирского.

Однако в Житии Александра Ошевенского имеются и следы более тесного соприкосновения двух памятников. В обоих житиях приводятся монологи матерей святых, наполненные любовью и скорбью, упреком и страданием (особенно близкие чтения выделены курсивом): «Увы мнѣ, господи мои! *Почто нам сице сътворил еси* и печаль души нашей принесе? Увы мнѣ, чядо любезное моея утробы, свѣте моею очию! *Почто ми сице сътворил еси?* Какое не познанъ бысть толико лѣтъ сый в дому моемъ?» (Житие Алексея человека Божия, редакция Великих Миней Четиих, XVI в.) [Адрианова: 489]; «О чадо Алексее! *Что се сотворил еси?* Утаиль еси от отца помысль свой! Почто ми не повѣда, матери своей? <...> Уже не вижу тя на трапезѣ с нами сѣдяща, ни съ братьями веселящася. Ни слышим от устѣ твоих божественных словесъ» (Житие Александра Ошевенского) [Пигин, 2017: 229]. В Житии «человека Божия» эти слова произносятся после смерти Алексея, в Житии св. Александра — после его ухода в монастырь, но это различие в агиографии является призрачным, поскольку монашество есть социальная смерть, «умертвие миру» [Руди, 2006: 497, 498], [Руди, 2016]⁶. По наблюдениям Т. Р. Руди, плач

родителей о сыне как о мертвом — мотив частотный в агиографии, но сами монологи-плачи приводятся в житиях исключительно редко⁷.

В обоих памятниках, кроме того, горюющие матери уподобляются «ластовице»: «Мати же его... отверзе оконце свое, аки ластовица из лова излѣзши от дверецъ...» (Житие Алексея человека Божия) [Адрианова: 489]; «Сице изглагола плачевную пѣснь доброгласная ластовица...» (Житие Александра Ошевенского) [Пигин, 2017: 229]. При наличии явной стилистической близости материнских плачей в двух житиях это совпадение кажется неслучайным и объясняется, скорее всего, результатом прямого воздействия одного жития на другое⁸. Общим мотивом двух памятников является и получение родителями горестных известий от своих сыновей из их собственноручных писаний.

Феодосий как агиограф находился в непростой ситуации: с одной стороны, ему нужно было представить Александра Ошевенского идеальным монахом, отказавшимся от всего мирского, оставившим, по Евангелию, отца и мать (ср.: Мф. 10: 37–38), с другой — он не мог обойти молчанием тот факт, что свой монастырь святой основал рядом с родительским домом, на другом берегу реки, и связи с родственниками так и не порвал. Но живя рядом с родными, постоянно общаясь с ними и претерпевая от них обиды, Александр строго соблюдал монашеский обет, оставаясь «уединенъ на мѣсте томъ» [Пигин, 2017: 246]. Алексей человек Божий не принимал монашество, его подвиг принадлежит скорее традиции юродства [Иванов: 83–86]. Тем не менее образ святого идеально подходил в качестве агиографического прототипа для Александра: живя в доме своих родителей, видя их каждый день, святой оставался одновременно как будто вне его, являлся для близких чужим и «незнаемым». В Житии Александра Ошевенского мы не найдем, конечно, описаний того, как слуги избивают святого и выливают на него помои (ср. в Житии Алексея: «Отроцы же... пакости ему творяху, и ови убо котораахуса с нимъ, друзии же заушахуть, инии же пяху его, инии же паки опаница помывающе възливааху горѣ на главу его помоя» [Адрианова: 487]). Кенотическое начало здесь выражено не столь

отчетливо, но при этом мотив чуждости «дома» присутствует. Александр принимает немалую скорбь от своих близких: один из его братьев, Амбросий, исполненный гнева и ярости, с секирой в руках, намеревается «иссечь» в монастыре двери, чтобы насильно вернуть домой своего сына и племянника, постриженных «злодеем» Александром. Под влиянием еще одного брата, Лукиана, Амбросий осознает свою вину и просит у святого прощения. Но вскоре и сами племянники начинают испытывать «ненависть» к святому, «срамиться его и удаляться от него» [Пигин, 2017: 251] и наконец совсем уходят из монастыря. Духовная жизнь Александра им непонятна и чужда. Описанию «скорби» святого агиограф посвящает целую главу «О скорби преподобнаго о отрочѣхъ» [Пигин, 2017: 252]. Такую реализацию в Житии Александра Ошевенского получает мотив «непознанности» святого его родными.

Таким образом, «единодушие», если воспользоваться словом из акафиста, двух святых устанавливается в самом начале Жития Александра Ошевенского благодаря мирскому имени и дню рождения святого. Совпадение ключевых мотивов (разумеется, не все из них можно объяснить прямой генетической связью двух памятников), стилистическая близость плачей-монологов, лиризм в изображении матерей, сходства в самих судьбах агиографических персонажей, покинувших родительский дом и затем вернувшихся в него (один как юродивый, другой как монах), должны были в ходе дальнейшего повествования поддерживать в сознании читателя эту ассоциацию.

Между тем разработка семейной темы в Житии Александра Ошевенского далеко не так однозначна. К св. Александру совсем неприменимы слова очень тонкого интерпретатора Жития Алексея человека Божия Б. И. Бермана: Алексей — «это “человек Божий”, только Божий, целиком <...>. Страдания его близких не имеют равным счетом никакого значения в мире жития, пока он с радостью и смирением принимает унижения в доме своем и этим угоден Богу» [Берман: 176]. Слезы и горе родителей не оставляют Александра, в отличие от св. Алексея, равнодушным; он постоянно помнит о них

и боится их опечалить. Решив «послужить» некоторое время в Кирилло-Белозерском монастыре, он посылает им письмо: «Господие мои родителие! <...> Не прогнѣвайтесь на мя, да здѣ пребуду, служай во обители сей нѣколико время, и паки к вам возвращуся, угодная вам творя. Вѣсте, господие мои, яко николиже ослушахся васъ, ни прекослових. <...> И аще укуснитъ ми ся здѣ, не възбраните на мя» [Пигин, 2017: 229]. Встретившись со своим отцом после долгой разлуки, но еще до пострига, Александр бросается к его ногам, испускает «жалостныя слезы», умоляет простить его: «О отче! Прости мя, прогнѣвах твою старость и огорчих твою утробу своим замедлениемъ и небрежением. <...> Что велиши рабу своему? <...> И пою Богу моему, дондеже есмь, яко сподобил мя еси Господи видѣти родителя моего. Да наслажуся, видя доброту старости твоя. Да возвеселюся, зря седины твоя. И обლობызаю нозѣ твои, имиже потрудися мене ради» и т. д. [Пигин, 2017: 232]. По наблюдениям Т. Р. Руди, «весь эпизод ухода в монастырь в этом памятнике (в Житии Александра Ошевенского. — А. П.) выстроен отлично от традиционной схемы»: «здесь не игумен искушает отрока, предупреждая его о тяготах монашеской жизни, а сам юноша, отвечая на вопрос игумена, хочет ли он постричься, высказывает сомнение в своей духовной зрелости и готовности противостоять неизбежным на иноческом пути дьявольским искушениям» [Руди, 2006: 451]. Сомнение Александра в необходимости пострига связано также с его заботой о родителях: «Аще преслушатися родителей начну, въ скорбь вложу их...» [Пигин, 2017: 235].

Позднее, став монахом, Александр несколько раз просит игумена Кириллова монастыря отпустить его повидаться с родителями и в конце концов уходит, чтобы основать свой монастырь рядом с их домом. Причем выбор места для строительства обители совершается святым по указанию отца: «Чадо Александре! Поиди на обону страну рѣки наша, и сотвори себѣ ту селитву и еже ти на потребу, и спасение да твориши души своей. И аще Господь восхощетъ, ты же въздвигнеши храм Божий и потом възградиши монастырь» [Пигин, 2017: 240]. Эта несколько необычная для монаха привязанность к родителям вызывает явное сочувствие

у агиографа. «Кто бо вѣсть, какова скорбь родителем о чадѣхъ бываетъ? — вопрошает он. — Съкрушаетъ же сердце жалость, снѣдаетъ печаль душу» [Пигин, 2017: 229]. Возвращение Александра к родителям объясняется Божиим Промыслом; в подтекст вводится также евангельская притча о блудном сыне: в диалоге с отцом Александр именуется себя «овцой заблудшей» и «чадом погибшим» [Пигин, 2017: 232].

Большое внимание, которое Феодосий уделяет в Житии семейной теме, обусловлено, по-видимому, не только обстоятельствами жизни Александра Ошевенского, но и тем значением, которое придавалось семье в Московской Руси XVI в. В системе ценностей этой эпохи семья осмыслялась уже не только в нравственном, но и в государственно-политическом аспекте. По логике «Домостроя» (середина XVI в.) семья («дом») является государством в миниатюре. «Отча клятва иссушить, а матерня искоренить» — эта максима, использованная и в «Домострое»⁹, и в Житии Александра Ошевенского [Пигин, 2017: 235], сигнализирует об общности идей двух памятников. Союз змеборчества и Премудрости — теократический идеал Московского царства — иносказательно изображен в Повести о Петре и Февронии Муромских (конец 1540-х гг.) тоже как семья (см.: [Плюханова: 203–232]). Вполне логичным в этом контексте выглядит прославление государственной власти в Житии Александра Ошевенского: глава «О нѣкоемъ бояринѣ Иванѣ Михайловиче Юриеве» начинается с пространного панегирика в честь Ивана Грозного, «прадедом» которого назван равноапостольный князь Владимир [Пигин, 2017: 277–278]. Мысль об Иване IV как о преемнике Владимира Святославича была актуальна для русской политической доктрины середины XVI в., нашла отражение в Степенной книге [Сиренов: 5 и далее], Сказании о князьях владимирских [Дмитриева: 144–145] и других текстах. Идея преемственной родственной связи в Житии Александра Ошевенского находит, таким образом, соответствия в официальной литературе этой эпохи.

Итак, два агиографических сочинения — византийское и древнерусское — роднит тема семьи. Необычность подвига святого Александра, основавшего монастырь рядом с жилищем своих родственников и не порвавшего связи с ними,

находила оправдание благодаря ассоциациям с историей Алексея человека Божиего, также вернувшегося в родительский дом. При этом древнерусский агиограф не был столь последователен в решении семейной темы, как его византийский предшественник¹⁰. В Житии св. Александра налицо парадокс: монашество интерпретируется как полный отказ от мира и от семьи, но и семья представлена как безусловная ценность, любое посягательство на которую является нарушением Божиих заповедей. Александр Ошевенский изображается как идеальный монах и как идеальный сын одновременно. «Любовь Божия отрази любовь родителей. Глаголяй же обоя имѣти себе прельсти» [Пигин, 2017: 236, 305] — эти слова из Лествицы Иоанна Синайского, процитированные в Житии св. Александра как непререкаемая истина, не находят столь же абсолютного и точного воплощения в истории святого. Попытки Феодосия — весьма непоследовательные и вряд ли до конца им самим ясно осознанные — соединить идеалы *монастыря* и *семьи* не имеют, да и не могли иметь, своим результатом их полную гармонизацию. Житие Александра Ошевенского является, таким образом, не только интересным в литературном отношении памятником, но и ценным историческим источником, в котором оказались запечатлены некоторые актуальные для Московской Руси XVI в. культурные и религиозные переживания. К таким выводам подводит сравнительный анализ двух житий, который был предпринят как развернутый комментарий к одному из хайретизмов в акафисте Александру Ошевенскому.

Примечания

- ¹ На этом основании в 1836 г. Св. Синод отказал олонецкому архиепископу Игнатию (Семенову) в его ходатайстве о включении имени Александра Ошевенского в Святцы и о напечатании его Жития и службы (см.: [Пигин, 2013: 37]). Фактом общецерковной канонизации св. Александра следует, по-видимому, считать включение его имени в Соборы Новгородских и Карельских святых уже в XX в.
- ² В этой работе ([Пигин, 2017]) опубликован один из наиболее ранних списков первоначальной Пространной редакции Жития Александра Ошевенского — Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва), собр. Барсова, № 783, XVI в.

- ³ О соотношении этих редакций см.: [Карбасова, 1997], [Пигин, 2017].
- ⁴ Акафист преподобному отцу нашему Александру Ошевенскому чудотворцу // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), собрание Санкт-Петербургской духовной академии, № АП/345, л. 3 об.
- ⁵ В. П. Адрианова-Перетц исследовала только изданные к тому времени жития и отмечала лишь случаи прямых текстуальных заимствований из Жития Алексея человека Божия.
- ⁶ Справедливости ради нужно отметить, что Александр Ошевенский не сразу после ухода из дома в Кирилло-Белозерский монастырь принимает решение стать монахом, в письме к родителям он обещает им вернуться (см. в статье цитаты из этого письма). Однако родители отрока пророчески трактуют его уход как желание остаться в монастыре навсегда.
- ⁷ Кроме Жития Александра Ошевенского, Т. Р. Руди указала мне лишь один памятник, где приводится такой плач-монолог — Житие Евфросина Псковского. Но в редакции Василия-Варлаама (сер. XVI в.), которую мог знать Феодосий, этот монолог совсем краткий; распространение он получает в одной из поздних редакций [Охотникова: 157, 243]. Различаются и сами обстоятельства, при которых произносятся эти монологи в Житии Александра Ошевенского и в Житии Евфросина Псковского.
- ⁸ По сведениям Т. Р. Руди, сравнение горящей матери с «ластовицей» не относится в древнерусской агиографии к частотным (благодарю Т. Р. Руди за консультацию по вопросу о материнских плачах в агиографии). При этом «ластовице» может быть уподоблена в житиях тоскующая по мужу жена [Адрианова-Перетц: 74–77]. В Житии Александра Свирского, в видении инок Даниила, «многоглаголивими ластовицами» названы монахи, окружающие святого в раю (Житие Александра Свирского. Текст и словоуказатель / под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 74).
- ⁹ Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб.: Наука, 1994. С. 30. Ср. также в Измарагде: «Иже биет отца и мать, от церкви да отлучится и лютою смертию да умрет. Писано бо есть: “Отча клятва иссушит, а матерня искоренитъ”» (Там же: 282). Точно такого выражения в Священном Писании нет, но ср. в Книге Иисуса сына Сирахова: «Чти отца твоего, да найдет ти благословение от него. Благословение бо отче утврждаеть дома чад, клятва же матерня искореневаеть основания» (Сир. 3: 8–9).
- ¹⁰ Подробнее о семейной теме в Житии Александра Ошевенского см.: [Pigin].

Список литературы

1. Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К^о, 1917. VIII, 518 с.
2. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 188 с.
3. Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 159–183.
4. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 216 с.
5. Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
6. Карбасова Т. Б. О Пространной редакции Жития Александра Ошевенского // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 11–13 ноября 1997 года. Новгород, 1997. С. 93–95.
7. Карбасова Т. Б. Святцы 1646 г.: памяти русских святых // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. Т. 2. С. 249–301.
8. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Тип. Грачева и К^о, 1871. 466, IV, III с.
9. Никодим (Кононов), архим. Олонецкий патерик. Петрозаводск: Олонецкая губ. тип., 1910. 72 с.
10. Охотникова В. И. Псковская агиография XIV — XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 2. 771 с.
11. Панченко О. В. Поэтика уподоблений: (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С. 491–534.
12. Пигин А. В. Житие Александра Ошевенского в редакциях XIX века // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 27–41 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430991268.pdf DOI: 10.15393/j9.art.2013.368 (17.09.2020).
13. Пигин А. В. Пространная редакция Жития Александра Ошевенского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. Т. 3. С. 206–309.
14. Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 334 с.
15. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 431–500.
16. Руди Т. Р. «Живые мертвецы» древнерусских житий (из истории агиографической топики) // Текст и традиция: альманах. СПб.: Росток, 2016. Вып. 4. С. 7–18.

17. Сиринов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 545 с.
18. Шаляпин С. О., Романенко Е. В. Александр Ошевенский // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 1. С. 530–532.
19. Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1881. 377 с.
20. Pigin A. On Some Sources of the Life of Alexander Oshevensky (The Theme of the Family in the Hagiography) // *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography*. 2015. Vol. 11. Pp. 281–294.

References

1. Adrianova V. P. *Zhitie Alekseye cheloveka Bozhiya v drevney russkoy literature i narodnoy slovesnosti* [The Life of Alexis the Man of God in Ancient Russian Literature and Folklore]. Petrograd, Tipografiya Ya. Bashmakov i K^o Publ., 1917. 518 p. (In Russ.)
2. Adrianova-Peretz V. P. *Ocherki poeticheskogo stilya Drevney Rusi* [Essays on Old Russia Poetic Style]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. 188 p. (In Russ.)
3. Berman B. I. The Reader of Hagiography (Hagiographical Canon of the Russian Middle Ages and Traditions of Its Perception). In: *Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya* [Artistic Language of the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 159–183. (In Russ.)
4. Dmitrieva R. P. *Skazanie o knyaz'yakh vladimirskikh* [The Tale of the Princes of Vladimir]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 216 p. (In Russ.)
5. Ivanov S. A. *Blazhennyye pokhaby: kul'turnaya istoriya yurodstva* [Blissful Pokhaby (Cultural History of a Foolishness in Christ)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. 448 p. (In Russ.)
6. Karbasova T. B. Extended Version of the Life of Alexander Oshevensky. In: *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli: materialy nauchnoy konferentsii 11–13 noyabrya 1997 goda* [The Past of Novgorod and Novgorod Land: Proceedings of the Conference, November 11–13, 1997]. Novgorod, 1997, pp. 93–95. (In Russ.)
7. Karbasova T. B. The Svyatsy for 1646: Commemorating Russian Saints. In: *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii* [Russian Hagiography: Research. Materials. Publications]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2011, vol. 2, pp. 249–301. (In Russ.)
8. Klyuchevskiy V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Old Russian Lives of Saints as a Historical Source]. Moscow, Tipografiya Gracheva i K^o Publ., 1871. 466 p. (In Russ.)
9. Nicodemus (Kononov), archimandrite. *Olonetskiy paterik* [Olonets Patericon]. Petrozavodsk, Olonetskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1910. 72 p. (In Russ.)

10. Okhotnikova V. I. *Pskovskaya agiografiya XIV–XVII vv.* [Pskov Hagiography of the 14th–17th Centuries]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2007, vol. 2. 771 p. (In Russ.)
11. Panchenko O. V. Poetics of Likeness: on the Question of ‘Typological’ Method in Old Russian Hagiography, Epideictic Oratory and Hymnology. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Pushkin House of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003, vol. 54, pp. 491–534. (In Russ.)
12. Pigin A. V. The 19th Century Editions of the Life of Alexander Oshevensky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 27–41. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430991268.pdf (accessed on September 17, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.368 (In Russ.)
13. Pigin A. V. Extended Version of the Life of Alexander Oshevensky. In: *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii* [Russian Hagiography: Research. Materials. Publications]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2017, vol. 3, pp. 206–309. (In Russ.)
14. Plyukhanova M. B. *Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva* [Plots and Symbols of the Moscow Tsardom]. St. Petersburg, Akropol’ Publ., 1995. 334 p. (In Russ.)
15. Rudi T. R. About the Topos and Composition of the Lives of the Reverends. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Pushkin House of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2006, vol. 57, pp. 431–500 (In Russ.)
16. Rudi T. R. “The Living Dead” in the Old Russian Lives of Saints (from the History of Hagiographic Topic). In: *Tekst i traditsiya: al’manakh* [Text and Tradition: Almanac]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, issue 4, pp. 7–18. (In Russ.)
17. Sirenov A. V. *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl’ XVI–XVIII vekov* [The Book of Degrees and Russian Historical Thought of the 16th–18th Centuries]. Moscow, St. Petersburg, Al’yans-Arkheo Publ., 2010. 545 p. (In Russ.)
18. Shalyapin S. O., Romanenko E. V. Alexander Oshevensky. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2000, vol. 1, pp. 530–532. (In Russ.)
19. Yakhontov I. *Zhitiya svyatykh severnorusskikh podvizhnikov Pomorskogo kraja kak istoricheskiy istochnik* [The Lives of the Holy Northern Russian Ascetics of the Pomeranian Region as a Historical Source]. Kazan, Tipografiya Kazanskogo universiteta Publ., 1881. 377 p. (In Russ.)
20. Pigin A. V. On Some Sources of the Life of Alexander Oshevensky (The Theme of the Family in the Hagiography). In: *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography*, 2015, vol. 11, pp. 281–294. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пигин Александр Валерьевич, *Alexander V. Pigin*, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН (ул. Пушкинская, 11, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9306-1421>; e-mail: av-pigin@yandex.ru.

Professor, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (ul. Pushkinskaya 11, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9306-1421>; e-mail: av-pigin@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.10.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.12.2020

Принята к публикации / Accepted 11.01.2021

Дата публикации / Date of publication 05.02.2021